

Отзыв официального оппонента

на диссертацию *Пырьяновой Ольги Анатольевны*

«Феномен фигуративной сексуальности: сущность и репрезентация»,
представленной на соискание ученой степени кандидата философских
наук по специальности 09.00.13 — философская антропология,
философия культуры

Актуальность темы диссертационной работы О.А.Пырьяновой не вызывает сомнений.

На протяжении многих десятилетий тема эротики и сексуальности воспринималась современной культурой как одно из основных направлений противодействия репрессивному характеру традиционного общества и потому выступала, наряду с политической эмансипацией, как важнейшая форма дискурса освобождения человека и обретения им собственной отчужденной сущности. Эта ситуация подкрепляется и особым статусом человеческой сексуальности среди основных феноменов бытия человека, проявляющимся не только в ее своего рода вездесущести, но также в проявлении целостности человека как единства души и тела. Недаром еще со времен Возрождения обращение к эротике неизменно воспринималось как способ восстановления суверенности человека. Антропологический поворот сопровождался тем ощущением, что человек получает достаточное основание гордиться собой и претендовать на особый бытийный статус, только в том случае, если он реабилитирует не только собственные разум и волю, но и тело.

Проблема сексуальности является предметом исследования большого числа разнообразных и влиятельных в современном гуманитарном дискурсе концепций — от классического психоанализа до

концепций нарратива. И в этом, пожалуй, значительная трудность исследований такого рода: необходимо соблюсти баланс между важнейшим для академического исследования требованием достаточного охвата исследуемой темы и ее исключительной многоаспектностью.

Тема человеческой сексуальности в качестве предмета философского исследования — одна из тех, перед масштабностью которой у исследователя должны опуститься руки, поскольку ясно, что так или иначе к ней имеет отношение значительная часть человеческой культуры — от лирической поэзии в античности и европейского романа эпохи модерна до современной массовой культуры с ее масштабной эксплуатацией темы эротики и сексуальности. Но при этом ясно, что самостоятельной проблемой сексуальность человека становится лишь в определенное время — в связи с общей проблематизацией человека и настоятельной постановкой вопроса о *conditio humana*. Причин к тому много, но ясно, что открытие человеком проблемного характера собственной чувственности занимает здесь не последнее место.

Поэтому исходный пункт диссертации О.А.Пырьяновой — обсуждение методологических позиций в исследовании феномена сексуальности — выглядит вполне оправданным. Этот раздел — глава 1 «Методология исследования сексуальности как антропологического феномена» — занимает в работе почти половину всего объема диссертации и играет в ней важную роль.

В качестве наиболее влиятельных традиций в методологии исследования сексуальности в философии автор анализирует психоанализ З.Фрейда и его версию у Ж.Лакана, исследование темы сексуальности у М.Фуко, а также позицию экзистенциализма в с его акцентом на активности человека как субъекта и ответственности осуществляемого им выбора.

Автор, обращаясь к отдельным уязвимым точкам каждой из доминирующих в этой сфере методологий, приходит к выводу о необходимости синтеза различных методологических традиций. Прежде всего это связано с отношением к нормативности в сфере человеческой сексуальности. Так, З.Фрейд, придав сфере сексуальности самодовлеющий характер, все же явно или неявно исходил из наличия некой сексуальной нормы, по сравнению с которой все многообразие сексуальных переживаний реальных индивидов воспринималось как формы уклонения (вне зависимости от того, насколько эта норма достижима в реальных условиях). Культура постмодерна ориентирована на значительно бóльшую вариативность в этой сфере и расценивает само мышление в терминах моонормативности как признак репрессивности и неоправданное сужение и обеднение творческой составляющей личного пространства человека. Кроме того, так или иначе понимаемая нормативность в сфере человеческой чувственности в большей степени тяготеет к образу маскулинности и связанному с ним патриархальному обществу (с. 25).

Существенно бóльшую свободу в этом отношении дает лакановская версия психоанализа, в которой на первый план выходит тема Другого в ее базовых проявлениях: язык и сексуальность. При этом выходом из травмирующей ситуации столкновения с реальностью, неизбежно связанной с сексуальностью, оказывается многообразная работа по формированию символического образа Другого.

В фокусе внимания ряда работ М.Фуко стоят проблемы сексуальности в их связи с практиками управления и власти и формируемыми ими дисциплинарными пространствами. В этой перспективе главный акцент при исследовании сексуальности переносится на ее конструктивный характер, сложное взаимодействие естественного и искусственного в структурах управления и манипулирования. При всем том тело человека и его желания в итоге

парадоксальным образом уклоняются от тотальности контроля благодаря различным формам презентации и репрезентации (с. 37, 41).

Но все же методологической основой своего исследования О.А.Пырьянова выбирает традицию, которая, казалось бы, в меньшей степени связана с анализом собственно сексуальности — традицию трансцендентальной феноменологии. Соответственно, в центре исследования оказываются не объективные и вещественные структуры сексуальности, а сложное взаимодействие интенциональностей и многообразных форм субъективного и интерсубъективного опыта человека. Центральную роль здесь играет тема Другого, также возможности и формы присутствия этой фигуры в опыте эго. В этой связи автор обращается к работам Э.Гуссерля, и в первую очередь к его «Картезианским размышлениям».

В соответствии с этим выбирается и понятийный ряд, который позволяет исследовать сексуальность человека как феномен. Концептуальная структура исследования раскрывается в ряду соотносимых понятий: *норма, сексуальная ориентация, гендер, сексуальность, желание и влечение, интимность, близость, телесность*. Этот понятийный ряд позволяет автору диссертации разделить сексуальность как событие природы, которое достаточно четко определено физиологическими процессами и особенностями поведенческих реакций, присущих тем или иным животным видам, от собственно человеческой сексуальности, основное содержание которой раскрывается в сложном ряду интенциональных переживаний и форм репрезентации. В сфере сексуальности Другой предстает не просто как еще один сексуальный объект наряду с прочими, но в особом статусе глубоко личного переживания — статусе *интимности* — и связанной с ним ситуации *близости*, которым автор диссертации придает понятийный статус, позволяющий структурировать сферу человеческой сексуальности в феноменологическом ключе. Человеческая

сексуальность — это прежде всего сложный конструкт, выступающий ареной взаимодействия разнонаправленных социальных и культурных импульсов.

Основным инструментом исследования в диссертации выступает разрабатываемый автором концепт *фигуративной сексуальности*, понимаемой как «феноменологический опыт восприятия субъектом своей сексуальности, данной в репрезентативных процессах» (с. 77). Это понятие выступает как «фундирующая категория, фиксирующая более глубокое понимание сексуальности любого человека» (там же). По мысли автора, именно «фигуративная сексуальность конституирует антропологическую реальность» (с. 160).

Собственно, это попытка дать феноменологическое представление многообразия форм переживаний и опыта человека (индивида, социальных групп и культуры в целом), связанного со сферой его сексуальности. Порождающей моделью в этом концепте, по всей видимости, выступает опыт фигуративного искусства. Акцент на фигуративном характере сферы человеческой чувственности означает принципиальную сложность отношений между объектом и его репрезентациями, понимание конструктивного характера таких репрезентаций и возможности исследования их собственной, не связанной напрямую с исходным объектом сферы смыслов и значений в их реальном функционировании.

По мысли автора, концепт фигуративной сексуальности позволяет подчеркнуть пластичный характер человеческой чувственности, не только подверженность разнообразным культурным и социальным воздействиям, но и ее текучий характер, когда сложная игра репрезентаций в то же время оказывается и определением ее внутренней сути.

Это прежде всего означает, что неверно было бы использовать в качестве исключительной точки зрения на проблему сексуальности ее

связь с репродукцией человека, с продолжением рода. Точнее, такая точка зрения тоже возможна (а мы отчетливо видим как возрастает ее влияние в общественном дискурсе в качестве проявления консервативной ориентации в противовес безбрежной релятивности постмодерна), но лишь с сознанием ее конструктивного и исторического характера, не претендуя на исключительность и нормативность в понимании сути человеческой сексуальности.

Первый этап на этом пути — прояснение человеком собственной сексуальной сферы, которая выступает для него первоначально как неясное облако смыслов, переживаний и влечений, нуждающееся в наполнении личным жизненным опытом и артикуляции в различных нарративах для того, чтобы сформировать зрелую и дееспособную сферу сексуальности. Важнейшую роль в этом процессе играет встреча с Другим — во всех формах его присутствия, — необходимая как для оформления собственного эго в его отнесенности к внешнему миру, так и для развития его внутренней сексуальной сферы.

Отношение к Другому всегда включает в себя язык и коммуникативность и потому выражается в совокупности нарративов, в составе которых О.А.Пырьянова выделяет нарративы двух типов: объемлющий *биографический* нарратив и ряд входящих в его состав *ситуативных* нарративов. При этом важнейшей особенностью биографического нарратива, (который составляет основу личностного опыта) является его незавершенность. Любой биографический нарратив может быть продолжен и после завершения отношений, равно как и переформулирован в ином ключе. (Правда, как мы понимаем, такова базовая черта и любого опыта прошлого, включая и опыт осмысления истории, который неустранимым образом связан с актуальным положением дел и его оценкой).

Вообще же нарративный анализ как сравнительно новая техника в философском исследовании, на наш взгляд, раскрывает достаточно

широкие перспективы для исследования различных культурных феноменов, включая и человеческую чувственность. Некоторые интересные сюжеты в этом разделе работы были только намечены и не получили развития. Так, автор приводит на с. 113—115 в качестве примера вырожденного нарратива сексуальности, в котором отсутствует интрига, «историю сексуальных побед». В работе эта ситуация выступает как пример снижения личностного начала, низводящего человеческую чувственность до простой физиологии. В значительной мере так оно и есть. Однако нам известен культурный архетип Дон Жуана — совершенного соблазнителя и неотразимого поклонника, — который связан с яркими нарративными ходами художественного воплощения и переживания чувственности, в образе которого неустраимо присутствует тема «истории сексуальных побед».

Третья, заключительная глава диссертационной работы посвящена формам репрезентации фигуративной сексуальности в ее развитии от смутных образов сексуальных переживаний к зрелой чувственности сознающей и принимающей себя во всем своеобразии собственных проявлений личности. Предметом анализа выступают *внутренняя* и *внешняя* репрезентации сексуальности.

И вновь в этих сюжетах появляется фигура Другого, в соотношении с которых оформляется и осознается фигуративная сексуальность. Но здесь уже основной коллизией является соотношение внутреннего осознания индивидом собственной сексуальности и ее принятие с норматизирующим воздействием Другого, в той или иной форме предписывающего определенные формы сексуальности в качестве более-менее жестко заданной — или в современной ситуации поливариантной — нормы. Ведущим моментом в этом процессе взаимодействия различных репрезентаций выступают не столько характеристики истинности формирующегося образа, сколько моменты

признания или непризнания индивидом своей особенности и его соотношение с нормирующим воздействием социальных структур.

В этой связи автор возвращается к обсуждавшейся ранее фукольдиданской традиции исследования микроуровня власти и многообразных форм манипулятивного воздействия на человека со стороны властных структур посредством его сексуальности. Совершенно справедливо автор видит одну из основных проблем сексуальности в современном мире в ее связи с механизмами подчинения и контроля, которые охватывают индивида практически повсеместно. Это приводит масштабной стандартизации механизмов и форм чувственности, возвращающей социальный (не только социальный, но и нарративный, визуальный, экзистенциальный) конформизм. Альтернативу этим действительно массовым и опасным процессам автор видит в персонификации и индивидуализации сферы чувственности, не избегнув при этом обращения к популярным ныне темам гомо- и гетеросексуальности, а также гетерофлексibilityности, представляющей собой пластичный вариант последней.

И вновь этот сюжет поливариантности сексуальности рассматривается в русле дискурса освобождения и максимальной реализации человеком своей экзистенции в сфере чувственности. Однако, при этом стоит вспомнить и об особом месте проблемы сексуальности, которая все же выступает как пространство встречи естественного и фигуративного. В какой-то момент проблема выделенного статуса тех или иных форм сексуальности вновь возвращается к нам, но уже в виде парадоксальной черты современной западной культуры, очевидно связанной с дискурсом освобождения. Это неизвестная прежде ситуация, когда современная развитая культура неожиданно вновь сталкивается с собственной природной основой, которая прежде трактовалась как сфера абсолютной пластичности, принимающей практически любые проецируемые на нее культурные

формы. Это ситуация растущей неспособности современной западной культуры воспроизводить себя в смысле воспроизводства жизни. Современная культура оказывается все менее и менее «совместимой с жизнью».

В заключительном разделе диссертации автор обращается к внешним формам репрезентации, обращенным в мир Другого, исследуя в рамках темы диссертации события флирта, моды, визуальной эротики и порнографии. Одной из важных черт этой ситуации является «сексуализация культуры» (с. 141) или «перепроизводство секса» (с. 158), когда эротические образы становятся едва ли не универсальным языком презентации в самых различных социальных сферах: от рекламы и маркетинга — до политики и идеологии.

Диссертационное исследование завершается в достаточной мере компактным и ясным *Заключением*, резюмирующим основные положения и выводы работы.

К **достоинствам** работы следует отнести широкую эрудицию автора. Список использованной литературы насчитывает 302 наименования, в том числе 83 работы на английском языке, в достаточной мере представляющий ведущие исследования в отечественной и зарубежной литературе по теме диссертации.

Диссертация О.А.Пырьяновой представляет собой интересную и самостоятельную работу. Автор хорошо ориентируется в самых разнообразных аспектах исследуемой темы. Несомненное достоинство работы — ее многомерный характер, что позволяет представить феномен фигуративной сексуальности в широком многообразии ее проявлений. Автору удастся показать сложное переплетение различных сюжетов и линий, характеризующий человеческую сексуальность.

Несомненные моменты новизны содержит также основной сюжет диссертации, связанный с разработкой понятия фигуративной

сексуальности, что позволяет до известной степени уйти от привычных бинарных оппозиций, таких как норма-патология, гомосексуальность-гетеросексуальность, представляя более подвижный и многообразный характер этой сферы личностного и социального опыта.

Однако представленная работа не свободна и от ряда **недостатков**.

1. Так, автор подчас перегружает исследование деталями, которые уводят внимание от основного сюжета исследования. Во многом такая ситуация понятна и обусловлена исключительной широтой феномена сексуальности и его связью с самыми разнообразными актуальными сферами современной жизни. Отсюда стремление автора охватить максимально возможное количество интересных сюжетов и проблем, проявляющихся в этой сфере. Однако, здесь, по всей видимости, необходима своего рода безжалостная дисциплина, отсекающая значительную часть побочных линий исследования для того, чтобы яснее оттенить основные и задающие структуру исследования сюжеты.

2. Не всегда обращение к концептуальным ходам классиков мировой философии оправдано ходом исследования. Так, например, использование хайдеггеровского сюжета из «Бытия и времени», известного нам как «толки», вряд ли что добавляет к раскрытию исследуемой проблемы. Это не то, чтобы ошибка, но некоторое стилистическое упущение. Все же нужна бóльшая строгость в обращении с философскими концепциями.

3. Остался без внимания один важный момент в гуссерлевской концепции Другого. Исследования опыта аппрезентации у Э.Гуссерля в итоге приводит к тому, что Другой непременно присутствует в опыте эго в виде *alter ego*, представляемого аналогизирующей апперцепцией. Это, с одной стороны, легитимизирует саму фигуру Другого в трансцендентальной феноменологии, но, с другой, определенным образом ограничивает сферу его презентации этими

рамками. На эту трудность в гуссерлевской концепции не раз обращали внимание, видя в этом некоторую принципиальную преграду инаковости Другого, поскольку то, что не вписывается в рамки *alter ego*, тем самым и исключается из внутреннего опыта эго. Собственно, сам Другой таким образом оказывается в значительной мере скрыт от эго его различными ре-презентациями (с акцентом именно на вторичности этих презентаций). Вопрос, который, конечно, более остро стоит в сфере взаимодействия различных социальных и политических групп и различных культур, все же довольно значим и для понимания сексуальности.

Автор вскользь затрагивает этот сюжет, говоря о том, что «для Э. Гуссерля ... Другой обладает непроницаемым для воспринимающего субъекта бытием» (с. 86). Но это не совсем верно, если иметь в виду фигуру Другого как такового. Опыт Другого не только доступен для эго, но даже необходим и соотносится с первопорядковой для эго собственной сферой переживаний. Проблема в другом: в принципиальной ограниченности сферы присутствия Другого в опыте эго.

В заключение необходимо отметить, что общее впечатление от работы весьма положительное. Указанные недостатки не снижают общее благоприятное впечатление от работы.

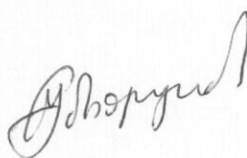
Автор проявляет широкую эрудицию и определенную смелость в отстаивании собственной трактовки проблемы. Работа написана хорошим литературным языком.

Автореферат диссертации и опубликованные работы О.А.Пырьяновой отражают основное содержание диссертационного исследования.

Таким образом, диссертация *Ольги Анатольевны Пырьяновой «Феномен фигуративной сексуальности: сущность и репрезентация»* соответствует требованиям пп. 9-10 раздела II «Положения о

присуждении ученых степеней» ВАК РФ, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 — философская антропология, философия культуры.

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философской антропологии
Института философии Санкт-Петербургского государственного
университета

Говорунов А.В.

30.09.2014

Адрес: г. Санкт-Петербург, 199034, В.О. Менделеевская линия, д.5.
телефон: +7(812) 328-44-08
E-mail: a.govorunov@philosophy.spbu.ru